

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

132924

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXXXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП. № 39.

1872

Digitized by Google

~~305~~
4X

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАЩИТѢ САМАРКАНДА

въ 1868 году.

Защита Самарканда, какъ одно изъ выдающихся событій въ Средней Азіи, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны каждаго, интересующагося дѣлами нашего Туркестанскаго края. Смѣло говоримъ «каждаго», потому что она представляетъ важный моментъ въ исторіи завоеваній русскихъ на Востокѣ. Уназвать на обстановку, сопровождавшую это событіе, припомнить многіе, даже мелкіе, относящіеся къ нему эпизоды—дѣло, по нашему мнѣнію, не только не лишнее, но необходимое. Вѣдь только подробное изученіе предмета и дастъ о немъ точное понятіе; вѣдь только разъясненіе мелочей и можетъ сообщить совершившемуся факту настоящее освѣщеніе. Въ военномъ дѣлѣ это особенно важно. Тутъ часто самое ничтожное происшествіе, порывъ одной личности, счастливая находчивость, измѣняютъ до такой степени обстановку, что получаются совершенно неожиданные результаты. Фактовъ для подтвержденія сказаннаго много, да они болѣе или менѣе извѣстны каждому, мы же упоминаемъ о ихъ значеніи, имѣя въ виду пояснить цѣль настоящихъ замѣтокъ о защитѣ Самарканда. Но такъ какъ по этому поводу уже кое-что было высказано, то считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Читая статью г. Черкасова «Защита Самарканда въ 1868 году» и «черки военныхъ дѣйствій въ 1868 году въ Зарявшанской долинѣ» г. Лыко, мы встрѣтили такія мысли, съ которыми не можемъ согласиться. Будучи далеки отъ того, чтобы становиться, въ отношеніи упомянутыхъ статей, на критическую почву, или выдавать свое мнѣніе за непреложное, мы хотимъ только указать нѣкоторыя подробности, иначе нами понимаемыя. Мнѣнія, которыя мы намѣрены высказать, быть можетъ и невѣрны, факты

не такъ истолкованы, но это не помѣшаетъ разъясненію дѣла: кто-нибудь изъ бывшихъ участниковъ осады укажетъ наши ошибки или недоразумѣнія, и мы удовлетворимся. Повторяемъ: приводя нѣкоторыя мысли изъ упомянутыхъ статей и оспаривая ихъ, мы будемъ имѣть въ виду только разъясненіе факта, столь важнаго для исторіи завоеваній русскихъ въ Средней Азіи.

Съ 1854 года, т. е. съ того времени, какъ рѣшено было соединеніе оренбургскихъ и сибирскихъ границъ, и когда начали происходить столкновенія нашихъ войскъ со среднеазіятцами, въ промежуткахъ между наступательными стычками въ полѣ и штурмами городовъ, русскимъ приходилось дѣйствовать и оборонительно, причемъ непріятель, имѣвшій въ подобныхъ случаяхъ громадный численный перевѣсъ, наносилъ намъ иногда не малый уронъ (дѣло Сѣрова подъ Иканомъ). Во всѣхъ такихъ столкновеніяхъ мы съ успѣхомъ пользовались превосходствомъ своего огнестрѣльнаго оружія, которое позволяло намъ выходить изъ затруднительнаго положенія побѣдителями. Кромѣ того, наши плотныя, дисциплинированныя войска выказывали явное превосходство надъ нестройными толпами мусульманъ, въ которыхъ развивался паническій страхъ при первомъ энергическомъ наступленіи русскихъ. Послѣ многихъ неудачъ, азіятцы привыкли наконецъ считать насъ непобѣдимыми и бѣжали съ поля сраженія послѣ перваго, большею частію, недостаточно упornaго сопротивленія. Только возбуждаемый противъ насъ крайній фанатизмъ заставлялъ ихъ иногда, послѣ самаго капитальнаго погрома, въ родѣ, напримѣръ, ирджарскаго, снова браться за оружіе.

Ясно, что борьба съ такимъ противникомъ не могла быть, строго говоря, хорошею школою для русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Средней Азіи. Рядъ рискованныхъ и въ высшей степени счастливыхъ предпріятій (штурмъ Ташкента, ирджарское дѣло...) породило въ нихъ презрѣніе къ силамъ непріятели. Явилось мнѣніе, раздѣляемое людьми, пользующимися вполне заслуженною военною репутаціею въ Туркестанѣ, что въ дѣлѣ со среднеазіятцами какія бы то ни было предосторожности (въ смыслѣ обезпеченія сообщеній съ тыломъ и проч.) если не лишнее, то не необходимое, что стоитъ только идти впередъ—и все устроится какъ нельзя лучше. На сколько справедливъ подобный взглядъ, предоставляется судить каждому. Мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ указать только на одно, очень важное, по нашему мнѣнію, обстоятельство. Извѣстно, что бухарцы на зырабулакскія высоты явились уже не тѣми, какими дрались

подъ Ирджаромъ. Подъ Ирджаромъ непріятель не имѣлъ никакого порядка; толпы его, хотя и очень многочисленныя, были безъ всякой между собою связи. Совѣмъ другое мы видимъ въ дѣлѣ 2-го іюня. Сербазы бухарскаго эмира были расположены въ линіи, шеренгами, стрѣляли залпами, держась подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ почти до рукопашной схватки; они выдержали даже два-три выстрѣла картечью. Какъ хотите, это прогрессъ значительный. А кто поручится, что подобныя усовершенствованія не будутъ продолжаться, что линейный боевой порядокъ, принятый бухарцами на Зырабулакѣ, не уступитъ мѣста болѣе современнымъ формамъ? Для этого, намъ кажется, необходима только чья-нибудь посторонняя помощь, какое-нибудь руководящее начало. Подчиняться разнымъ военнымъ нововведеніямъ бухарцы не откажутся: у нихъ такъ много уважительныхъ къ тому причинъ.

Осада Самарканда, тѣсно связанная съ событіемъ 2-го іюня, съ одной стороны является результатомъ превосходно задуманнаго плана, исполненіемъ котораго непріятель могъ поставить насъ въ самое критическое, скажемъ болѣе, безвыходное положеніе; съ другой—она представляетъ сама по себѣ фактъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, какъ мы уже и замѣтили выше.

Словомъ, уроки, данные непріятелю до 1868 года, не прошли для него безслѣдно. Онъ многому научился, пересталъ слѣпо надѣяться на одно превосходство силъ и началъ употреблять ихъ болѣе рачіональнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, въ упомянутый годъ онъ является уже противникомъ, заслуживающимъ извѣстнаго уваженія. Относительно послѣдняго обстоятельства мы позволимъ себѣ напомнить читателю нѣкоторыя подробности.

Самый передовой пунктъ, который мы заняли въ 1868 году, въ маѣ мѣсяцѣ, былъ Ката-Курганъ; въ немъ въ это время находились 13½ ротъ пѣхоты (1,500 человекъ), три сотни казаковъ (270 человекъ) и 12 орудій. По другимъ пунктамъ войска наши были распределены тогда слѣдующимъ образомъ:

Въ главной точкѣ всѣхъ операціонныхъ дѣйствій нашихъ во вновь завоеванномъ краѣ, въ Самаркандѣ, было одиннадцать ротъ пѣхоты (1,200 человекъ), двѣ сотни казаковъ и восемь орудій; на пути сообщенія съ Ташкентомъ: въ Яны-Курганѣ двѣ роты, въ Джизакѣ баталіонъ; войска же, расположенныя въ Чиназѣ, Ташкентѣ и въ другихъ мѣстахъ, не могли помочь дѣйствующему отряду въ случаѣ крайности, а потому мы объ нихъ и не упоминаемъ.

Расстояніе между упомянутыми пунктами слѣдующія: между Ката-

Бурганомъ и Самаркандомъ около 70 верстъ; между Самаркандомъ и Яны-Бурганомъ около 60 верстъ; между этимъ послѣднимъ и Джизакомъ 22 версты. За Джизакомъ, на пространствѣ 110 верстъ, тянется голодная степь, оканчивающаяся Сыръ-Дарьей у Чиназа и служащая, по недостатку въ ней воды и какой бы то ни было растительности, значительнымъ препятствіемъ сообщенію между названными пунктами. Отъ Чиназа до Ташкента 60 верстъ.

У непріятеля было отъ 30 до 40,000 на зырабулакскихъ высотахъ, между Бухарой и Ката-Бурганомъ, верстахъ въ двѣнадцать впереди послѣдняго, гдѣ собрались всѣ силы эмира, и тысячь 20 со стороны Кара-тюбе. Къ этому нужно прибавить еще жителей занятаго нами края, которые, при первой возможности, готовы были возстать поголовно. Шахризябцы были особенно опасны. Движеніе частей дѣйствующаго отряда къ Ургуту и Кара-тюбе хотя и были удачны въ смыслѣ тактическомъ, однако не достигли своего главнаго назначенія—обезпеченія Самарканда со стороны этого воинственнаго племени. Отдѣленное отъ долины Зарявшана горнымъ хребтомъ, оно держалось совершенно независимо, гордилось своею независимостью и, при помощи Бухары, надѣялось съ успѣхомъ потягаться съ русскими войсками. Надежда эта еще болѣе окрѣпла послѣ движенія части отряда къ Кара-тюбе, которое толковалось шахризябцами въ свою пользу.

Раздѣленіе русскихъ войскъ, преувеличиваемая въ нихъ болѣзненность, расчеты на поддержку населенія, все побуждало непріятеля къ дѣйствіямъ болѣе смѣлымъ. Съ этою цѣлію, предводитель шахризябцевъ, вмѣстѣ съ эмиромъ, составили планъ, заслуживающій вниманія. Было рѣшено, нападеніемъ на Ката-Бурганъ, вызвать главныя русскія силы въ поле, завлечь, не принимая боя, какъ можно далѣе, во владѣнія Бухары, а, между тѣмъ, ударить на Самаркандъ и овладѣть имъ. Первое долженъ былъ исполнить эмиръ: его задача состояла въ томъ, чтобы, по возможности, оттягивать рѣшительную минуту столкновенія съ русскими; вторую часть плана—овладѣніе Самаркандомъ—должны были привести въ исполненіе шахризябцы. По овладѣніи Самаркандомъ, предполагалось, соединенными силами, дѣйствовать противъ отряда, двинувшагося къ Бухарѣ, и на его сообщеніяхъ съ Ташкентомъ. Такимъ образомъ, овладѣніе Самаркандомъ становилось главною цѣлью предпріятія и, какъ средство рѣшительно измѣнявшее положеніе русскихъ—на театрѣ войны, должно было служить сигналомъ къ поголовному возстанію, можетъ бытъ, всего туркестанскаго населенія.

Очевидно, что Самарканду, во время военныхъ дѣйствій 1868 года, предстояла первостепенная роль; очевидно, что въ данную минуту, для всей Средней Азіи, не говоря о русскихъ владѣніяхъ, онъ долженъ былъ сдѣлаться сердцемъ, бѣіеіе котораго не могло не отозваться на всемъ организмѣ.

Соображенія непріятеля были весьма основательны. Русскіе, занимающіе въ концѣ мая Самаркандъ и Ката-Курганъ, не нанесли еще рѣшительнаго удара ни бухарцамъ, ни шахризямъ. И тѣ, и другіе обладали еще значительными средствами для борьбы. Первые, какъ было уже замѣчено, стояли около Ката-Кургана, безпокою расположенный въ немъ отрядъ; вторые сосредоточились между Кара-тибе и Самаркандомъ, угрожая нашему тылу въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій. Положеніе русскихъ становилось критическимъ. Выйти изъ него можно было только посредствомъ рѣшительнаго удара, и при томъ удара, направленнаго въ самую чувствительную точку непріятельскаго расположенія. Гдѣ же была эта точка? Очевидно, въ Бухарѣ, тамъ, гдѣ гнѣздились главный руководитель военныхъ противъ насъ дѣйствій, гдѣ были сосредоточены его средства. Сюда слѣдовало направить и рѣшительный ударъ. А для этого необходимо было, не жалѣя никакихъ средствъ, образовать въ Самаркандѣ такой опорный пунктъ, который, при самомъ ограниченномъ гарнизонѣ, былъ бы вполне безопасенъ отъ какаго-бы то ни было покушенія со стороны непріятеля, на время движенія остальныхъ войскъ къ Бухарѣ. Привести Самаркандъ въ положеніе, отвѣчающее высказанной необходимости, было бы, по нашему мнѣнію, не слишкомъ затруднительно. Для этого слѣдовало бы, сейчасъ же по его занятіи, образовать возлѣ стѣнъ цитадели, со стороны города, эспланаду, заложить въ стѣнахъ (хотя на скорую руку, комыями) рядъ небольшихъ, но очень вредныхъ, въ оборонительномъ отношеніи, обваловъ, насыпать, гдѣ можно, барбетты, и пробить, въ имѣвшихся башняхъ, бойницы. Временя, со 2-го по 30-е мая, было для этого совершенно достаточно, особенно если бы, въ помощь уставшимъ отъ переходовъ войскамъ, были приданы вольнонаемные рабочіе. Впрочемъ, если бы времени было и недостаточно, то выступленіе главныхъ силъ противъ эмира, пожалуй, не мѣшало бы и отложить дней на восемь, а въ восемь дней можно сдѣлать многое. Эмиръ же въ это время не увеличилъ бы своихъ полчищъ на столько, чтобы остановить наши войска. Впрочемъ, объ отсрочкѣ выступленія отряда къ Бухарѣ мы говоримъ какъ о крайности, къ которой, пользуясь двадца-

ти-восьмидневнымъ пребываніемъ въ Самаркандѣ, не надо было и прибѣгать.

Мы указали отчасти что слѣдовало сдѣлать для обороны Самарканда, а что было сдѣлано по этому предмету, читатель можетъ видѣть изъ статьи г. Черкасова. Считаемо не лишнимъ привести и мнѣніе г. Лыко, высказанное имъ въ «Очеркахъ военныхъ дѣйствій», при оцѣнкѣ разныхъ обстоятельствъ обороны. Оцѣнка эта «не можетъ», говоритъ авторъ, «не привести насъ къ сожалѣнію, что излишнее довѣріе къ жителямъ города было причиною, что комендантъ воздержался отъ разрушенія жилищъ, прилегающихъ къ стѣнамъ цитадели, и отъ очистки необходимой эспланады: это, лишивъ гарнизонъ возможности поражать непріатели мѣткимъ огнемъ, сдѣлало приступы продолжительными, упорными, а стрѣльбу по гарнизону непрерывною, убійственною и почти безнаказанною». Позволяемо себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Изъ приложеннаго г. Черкасовымъ къ статьѣ «Защита Самарканда» плана (на который ссылается и г. Лыко) видно, что часть оборонительной ограды цитадели, гдѣ, непосредственно за стѣной, тянулись сады, простирается на полторы версты. Извѣстно, что азіятцы строятъ свои жилища довольно тѣсно и улицы оставляютъ узкія; слѣдовательно, для образованія эспланады на полтораверстномъ протяженіи, пришлось бы сломать, по крайней мѣрѣ, 300 сакель, что потребовало бы капитальной работы и много времени, при небольшомъ числѣ людей, имѣвшихся въ распоряженіи барона Штемпеля.

Намъ кажется, что подобная работа была не по силамъ самаркандскому коменданту. Онъ долженъ былъ: 1) позаботиться о снабженіи цитадели водою, что и было имъ сдѣлано и что потребовало и времени, и рукъ; 2) обрыть подошву отлогости стѣны, гдѣ она представляла полную возможность для эскалады; 3) насыпать два барбета (капитальность этой работы, принимая въ соображеніе трехсаженную высоту возводимой насыпи, очевидна), что опять требовало и времени, и рукъ; 4) расчистить сообщеніе между разными пунктами цитадели. Кто производилъ работы, тотъ пойметъ, что въ два какихъ-нибудь дня съ 658 человѣками гарнизона произвести все вышеупомянутое, содержа въ то же время караулы, само по себѣ трудно. О расчисткѣ же эспланады, полагаемо, комендантъ и думать не могъ. Такъ что, намъ кажется, упрекъ, сдѣланный г. Лыко коменданту, если и можетъ быть упрекомъ, то не барону Штемпелю.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, эспланады не расчистили, многихъ проломовъ не заложили, и гарнизону пришлось подставлять

грудь тамъ, гдѣ можно было бы подставить мѣшокъ съ землею. Понятно, что защитникамъ, при ихъ ограниченномъ числѣ, пришлось бы вѣсѣмъ безъ остатка лечь подъ развалинами Самарканда, если бы осада продолжалась всѣ восемь дней такъ, какъ она велась первые два дня. Къ счастью, плану, такъ хорошо задуманному непріателемъ, не суждено было осуществиться, потому что эмиръ измѣнилъ первоначальному предположенію въ самомъ началѣ, а гарнизонъ самаркандскій честно исполнилъ возложенный на него долгъ.

I.

Дало 1-го мая.—Причины, побудившія непріателя сдать Самаркандъ безъ боя.—Самаркандъ и его цитадель.—Наша лагерная жизнь.—Занятіе Ката Кургана генераломъ Головачевымъ.—Выступленіе командующаго войсками въ Ката-Курганъ.—Настроеніе гарнизона.

1-го мая, какъ извѣстно, происходило дѣло на Чананъ-атынскихъ высотахъ, прирывающихъ непосредственно къ самаркандскимъ садамъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ нихъ выходитъ дорога въ Ташкентъ. Полагали, что Чананъ-аты есть передовая позиція непріателя, на которой онъ желалъ дать полевое дѣло съ тѣмъ, чтобы потомъ, съ большимъ вѣроятіемъ на успѣхъ, стать за стѣнами Самарканда. Такъ ли думали военачальники эмира, давая сраженіе впереди Самарканда, или они рассчитывали на неприступность позиціи, вслѣдствіе разлившася Зарявшана, и полагали возможнымъ дать надлежащій отпоръ русскимъ, не допуская ихъ до города, опредѣлительно сказать довольно трудно. Можетъ быть, послѣднее и вѣроятнѣе, потому что на позицію свою бухарцы сильно надѣялись, тогда какъ рассчитывать на оборону города было довольно трудно. Причины послѣдняго обстоятельства очевидны. Городскія стѣны, какъ увидимъ далѣе, были въ весьма плачевномъ состояніи: на нихъ не было мѣстъ для постановки орудій; а главное — за штурмомъ, если-бы таковой послѣдовалъ, произошла-бы неминуемая баранта, что разорило-бы жителей, не принеся никакой пользы эмиру.

Итакъ, мы встрѣчены были на Чананъ-аты. Дѣло длилось недолго. Непріатель бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ почти всю артилерію и лагерь, въ которомъ мы нашли много разнаго хламу: палатокъ, ковриковъ, войлоковъ, разной посуды, а больше всего халатовъ и сапоговъ (чеговъ), брошенныхъ храбрыми войсками эмира, ради легкости бѣга при оставленіи позиціи. Благодаря этой мѣрѣ, непріатель ретировался очень быстро, такъ что, взойдя на высоты, мы увидѣли только мелькавшія вдали пятки удиравшихъ.

Вечеромъ того же числа, къ командиру войсками явилась изъ Самарканда депутація, изъявлявшая полную покорность города. Правовѣрные не рѣшались еще разъ попробовать счастья у самой гробницы Тимура. Въ нежеланіи отстаивать самаркандскія святыни многіе искали очень тонкихъ причинъ. Между прочимъ, по мнѣнію автора «Защиты Самарканда въ 1868 году», главная причина, побудившая самаркандцевъ сдать русскимъ городъ, была та, что они только въ этомъ и видѣли средство «спасти отъ разрушенія историческіе памятники своего города». По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ такъ. Если-бы даже начальники бухарской арміи, бившейся на Чапанъ-аты, и намѣрены были отвести ее за стѣны Самарканда, то имъ не удалось-бы: нестройныя толпы, которыми овладѣла паника послѣ дѣла 1-го мая, не могли быть остановлены для новаго сопротивленія. Значить, съ этой точки зрѣнія, не могло быть и рѣчи о непосредственной защитѣ города или о добровольной его сдачѣ. Бромъ того, и о спасеніи историческихъ памятниковъ, намъ кажется, нечего и говорить. Ни при одномъ изъ всѣхъ бывшихъ въ Средней Азіи штурмахъ (Чемкешъ, Ташкентъ, Джизагъ), на сколько намъ извѣстно, не пострадалъ какой-бы то ни было историческій памятникъ; не могло, конечно, этого случиться и въ Самаркандѣ, если-бы дѣло дошло до осады. Обо всемъ этомъ сарты знали по опыту. А вдобавокъ, среднеазіатцы, угнетаемые въ продолженіе многихъ вѣковъ безграничнымъ деспотизмомъ своихъ владыкъ, неспособны заботиться о сохраненіи историческихъ памятниковъ своихъ городовъ. Въ нихъ можно на время разжечь фанатизмъ, но чувства гордости и народной независимости далеки отъ понятій азіатца, по крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣждены знающіе ихъ близко.

Въ томъ-же самомъ фактѣ — въ сдачѣ Самарканда безъ боя — многіе видѣли начало хитро-задуманнаго плана. Съ этимъ тоже трудно согласиться. Планъ дѣйствій, о которомъ мы уже упомянули, явился гораздо позже. Въ горячую минуту объ немъ не могло быть рѣчи.

Мы нѣсколько распространились по этому поводу, потому что вопросъ самъ по себѣ довольно важенъ. Правильное его разрѣшеніе даетъ средство составить себѣ вѣрное понятіе о послѣдующихъ событіяхъ края, и косвеннымъ образомъ о томъ, до какой степени бой 1-го мая имѣлъ рѣшительный характеръ. Во всякомъ случаѣ, сдача Самарканда безъ боя ставила его жителей въ непривосновенное положеніе.

2-го мая русскіе двинулись въ городъ. Съ пѣснями и музыкой, мы проходили улицы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ попадались

иногда жители, отвѣшивавшіе низкіе поклоны. Большею частью, это были евреи и персіяне. И тѣ, и другіе радовались нашему приходу. Мусальмане хотя и держались, по обычаю, за животы, но на ихъ лицахъ можно было прочесть одно недоброжелательство. Каждый изъ нихъ напоминалъ волка, припертаго собаками въ уголь. Лавки были заперты. Вообще въ городѣ была замѣтная пустота.

Отрядъ расположился внѣ города, по бухарской дорогѣ. Часть была оставлена въ цитадели. Всѣ обрадовались случаю отдохнуть и оправиться. Утомительные переходы по голодной степи, а въ особенности усиленный переходъ и затѣмъ бой 1-го мая требовали остановки. Помимо этого, необходимо было не только укрѣпиться въ Самаркандѣ, но и распространить власть на прилегающія мѣстности съ тѣмъ, чтобы при дальнѣйшей борьбѣ имѣть опору. Надлежало также устроить обезпеченное сообщеніе съ Ташкентомъ. Вотъ почему рѣшено было остановиться въ Самаркандѣ на отдыхъ. Самаркандъ былъ удобенъ для этого какъ нельзя болѣе. Его роскошные сады, прекрасная ключевая вода, возможность достать все необходимое для войскъ, не могли не быть по вкусу отряду. Кромѣ этихъ, такъ сказать, чисто-матеріальныхъ соображеній, Самаркандъ привлекалъ образованныхъ людей своими достопримѣчательностями, и хотя можно было указать только на колосальныя мечети, построенныя еще при Тамерланѣ, однако и этого было достаточно для любителей древности.

Самый городъ нисколько не отличался отъ другихъ городовъ Средней Азіи. Тѣ же узкія улицы, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся невысокія глиняныя сакли съ плоскими крышами; такой же какъ и вездѣ базаръ, съ открытыми на улицу лавочками, гдѣ можно найти туземный и привозный товаръ; та же невыносимая пыль въ сухую погоду, и невылазная грязь во время дождей; на встрѣчу попадаются такіе-же халатники въ разноцвѣтныхъ или бѣлыхъ чалмахъ и женщины въ халатахъ-же, накинутыхъ на голову, и съ закрытымъ лицомъ—словомъ, все то же, что и въ Ташкентѣ, Чимкентѣ и другихъ городахъ.

Городъ окруженъ глиняною стѣною, которая мѣстами обрушилась и представляла совершенно готовые бреши. Для обороны она была неприспособлена; какъ видно, объ этомъ не думали. Обнимая все почти застроенное пространство города и составляя значительное протяженіе въ длину, стѣна эта требовала большого числа войскъ для своего занятія, слѣдовательно и не могла, на будущее время, служить русскимъ опорой, хотя-бы и были произведены въ ней над-

лежащія поправки и приспособленія. Важна была цитадель, которая, по своему положенію и сравнительно-малому протяженію оборонительной ограды, могла быть обращена въ опорный пунктъ. Объ ней мы намѣрены сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ впоследствии, во время семидневной осады, она играла важную роль.

Статья г. Черкасова «Защита Самарканда въ 1868 году», намъ кажется, недостаточно разъяснила два очень важные вопроса: 1) когда Самарканду, въ продолженіе семи-дневной осады, угрожала наибольшая опасность? и 2) гдѣ было самое слабое мѣсто нашего расположенія, куда непріятель долженъ былъ направлять самыя энергическіе удары? Не дать себѣ прямого и опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы, значитъ перечислить въ извѣстномъ порядкѣ множество эпизодовъ, не освѣтивъ ихъ внутренняго содержанія; смѣшать частныя, болѣе или менѣе отрывочныя, усилія непріятеля со штурмомъ его 3-го числа, въ которомъ участвовали сразу всѣ силы и который предпринимался шахризябцами, какъ послѣдній рѣшительный ударъ до отступленія въ горы; короче: значитъ не составить себѣ картины объ общемъ ходѣ осады.

Прямое рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ важно и въ другомъ отношеніи: оно, съ одной стороны, укажетъ на первенствующую роль, какую играли шахризябцы во время осады, съ другой, можетъ оправдать значительное скопленіе обороняющихся у Бухарскихъ Воротъ. Мы всегда думали, что послѣднее обстоятельство было совершенно основательно. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нужно посмотреть на расположеніе цитадели и на значеніе различныхъ ея пунктовъ.

Цитадель расположена въ сѣверо-западной части города (см. чертежъ). Въ планѣ она имѣетъ многоугольное начертаніе съ двумя большими входящими частями, обращенными на западъ. Возвышенность, на которой построена цитадель, вообще говоря, командуетъ надъ городомъ и близлежащими садами. Съ самой высшей ея точки, съ мѣста расположенія когъ-таша (ханскаго дворца), можно обозрѣть значительную часть города. Стѣна, окружающая цитадель, достигаетъ до двухъ саженъ толщины и до четырехъ саженъ высоты. Въ ней, въ довольно близкомъ разстояніи одна отъ другой, устроены выступающія внаружу полубашни. Это монолитныя глиняныя массы, на которыхъ, по высотѣ стѣны, сложены тонкія стѣнки; послѣднія могутъ быть заняты 10 — 12 стрѣлками. Полубашни, по незначительности своего выпуска мѣз-за наружной черты ограды, не могли доставлять послѣдней фланковой обороны, такъ что силу самаркандской цитадели могла составлять исключительно высота окру-

жающей ее стѣны и глубина находящагося съ восточной стороны оврага. Съ южной части послѣдней, очень важной въ оборонительномъ отношеніи, никакой впереди-лежащей преграды не было и здѣсь городскія сакли непосредственно примыкали къ самой цитадельной стѣнѣ. Нападеніе на цитадель въ этомъ направленіи представляло наиболѣе шансовъ для успѣха. Здѣсь можно было держаться у самой стѣны въ сакляхъ, не подвергаясь почти выстрѣламъ; можно было обрывать стѣну и вообще производить желаемыя работы, которыя же могли быть обстрѣливаемы обороняющимися; кромѣ того, для осаждающаго здѣсь было очень удобное и безопасное сообщеніе вдоль стѣны. Западная часть оборонительной ограды цитадели обращена на бухарскую дорогу. Здѣсь образовался, саженъ въ десять ширины, возвышенный плацдармъ, застроенный вплотную саклями и окованный, у самой бухарской дороги, остатками городской стѣны, негодной для обороны, но весьма полезной для осаждающихъ, потому что она совершенно скрывала ихъ движенія отъ выстрѣловъ съ цитадели. Съ этой стороны доступъ къ цитадели былъ очень удобенъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, у самыхъ Бухарскихъ Воротъ, какъ увидимъ далѣе, былъ довольно широкій проломъ. Упомянутый плацдармъ продолжается и противъ сѣверной части стѣны; но далѣе она нѣсколько шире и отдѣляется отъ лежащихъ впереди садовъ оврагомъ, бывшимъ нѣкогда ровомъ; передъ городской стѣною. Ровъ этотъ оканчивается у сарбазскаго двора, возлѣ большой башни, находящейся у самыхъ ключей. Башня четырехугольная, построенная, можетъ быть, еще при Тамерланѣ, въ нѣсколько ярусовъ; отъ времени своды, раздѣляющіе ярусы, обрушились, вслѣдствіе чего на верхней площадкѣ образовалось углубленіе. Площадка, саженъ пять въ квадратѣ, могла быть приспособлена для артилерійской стрѣлбы по городу, потому что она имѣла надъ нимъ нѣкоторое командованіе. Все пространство отъ сѣверо-западнаго угла до ключей наиболѣе безопасно; здѣсь хотя и были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лазейки, которыми могъ бы воспользоваться осаждающій, но оборонять ихъ было нетрудно, и при томъ небольшимъ числомъ людей, тѣмъ болѣе, что часть стѣны имѣетъ здѣсь видъ входящаго угла и нѣсколько полубашенъ. Отъ упомянутой башни до Самаркандскихъ Воротъ, а далѣе до юго-восточнаго угла цитадели, какъ уже сказано, впереди стѣны глубокой, съ крутыми берегами, оврагъ, отдѣляющій въ этомъ мѣстѣ цитадель отъ города. Въ этомъ направленіи, несмотря на подобнаго рода преграду, штурмъ возможенъ былъ на трехъ пунктахъ: непосредственно на Самаркандскія Ворота, которыя

не могли быть обстрѣливаемы фланковымъ огнемъ; у кладбища, гдѣ оборонительная стѣна представляла возможность эскалады и гдѣ мѣстность была открыта выстрѣламъ съ города, и у ключей. Атака со стороны ключей не могла быть такъ опасна, какъ первыя двѣ. Въ этомъ смыслѣ, на всемъ протяженіи восточной части ограды, Самаркандскія Ворота пріобрѣтали особенное значеніе. Но атака ихъ не представляла осаждающему особенныхъ шансовъ на успѣхъ, такъ какъ ворота, расположенныя между двумя башнями, возведенными изъ жженого кирпича, представляютъ довольно капитальное сооруженіе. Башни раздѣлены на два яруса; въ каждомъ были пробиты 3—4 бойницы съ очень ограниченнымъ обстрѣломъ. Противъ середины башенъ, между ними, были расположены полотноя воротъ, а далѣе, вовнутрь, крытая галерея съ каменными стѣнами по сторонамъ, составлявшими одно цѣлое съ башнями. Передъ воротами, черезъ ручей оврага, мостъ. Отъ него мѣстность къ воротамъ и далѣе во внутрь цитадели идетъ довольно крутымъ подъемомъ. Такимъ образомъ, осаждающій, ведя на ворота атаку, долженъ былъ пройти узкой галереей, обстрѣливаемой орудіемъ, которое въ случаѣ надобности могло быть здѣсь поставлено. Это же орудіе могло обстрѣливать мостъ и часть ведущей къ нему улицы.

Не въ такомъ положеніи были Ворота Бухарскія (см. черт.). Построенныя менѣе капитально, но по такому же плану какъ и Самаркандскія, они не имѣли впереди себя никакой преграды и доступъ къ нимъ былъ совершенно свободный; кромѣ того, стѣна, примыкающая непосредственно къ воротамъ, была несравненно болѣе въ худшемъ положеніи, чѣмъ та же стѣна возлѣ Самаркандскихъ Воротъ. Съ правой стороны, у самыхъ воротъ, она представляла какъ бы проломъ, застроенный саклями. Сакли, расположенныя внутри цитадели, выходили окнами и дверями на крыши сакель, построенныхъ непосредственно за ними въ городѣ, такъ что, взобравшись на послѣднія, легко уже было попасть во внутренность цитадели. Нѣсколько далѣе за упомянутыми саклями, фронтомъ къ бухарской дорогѣ былъ широкій проломъ, взобраться на который было весьма легко. Съ лѣвой стороны воротъ, оборонительная ограда также значительно обрушилась и въ одномъ мѣстѣ была не выше двухъ аршинъ. Здѣсь съ наружной стороны были даже сдѣланы ступени, служившія хорошимъ путемъ сообщенія для собакъ и для людей, на то время, когда ворота запирались. Взойдя изъ города по этимъ ступенямъ, можно было завладѣть лѣвой башней, а изъ нея свободно войти въ цитадель. Такимъ образомъ, на самомъ небольшомъ протяженіи, собственно

у Бухарскихъ Воротъ, насчитывалось три лазейки. Защищать ихъ безъ всякой подготовки было довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что мы хорошо познакомились съ ними только во время осады.

Ко всему сказанному нужно прибавить и другія обстоятельства, затруднявшія оборону Бухарскихъ Воротъ. Дорога въ городъ, выходя изъ воротъ, довольно круто поворачивала вправо, такъ что поставленное здѣсь орудіе могло обстрѣливать самое ничтожное пространство впереди; слѣдовательно, нападающему было легко приблизиться къ нему, совершенно безнаказанно, на самое близкое разстояніе. Все вмѣстѣ дѣлало Бухарскія Ворота наислабѣйшимъ пунктомъ, и не удивительно, что непріятель напалъ здѣсь энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Внутренность цитадели раздѣлялась узкими и кривыми улицами, которыя много могли способствовать укрытію отъ выстрѣловъ изъ города. Сначала думали не завладѣвать всеми строеніями, расположенными въ цитадели, а раздѣлить послѣднюю широкой улицей на двѣ части: одну предоставить гарнизону, другую тѣмъ жителямъ, которымъ сакли принадлежали въ этой части. Съ такою цѣлію положено было провести улицу отъ Самаркандскихъ Воротъ до западнаго входящаго угла оборонительной стѣны и назначить южную часть цитадели туземцамъ, сѣверную гарнизону. Мысль раздѣленія цитадели на двѣ половины, русскую и мусульманскую, имѣла гуманныя начала: отбирая для жительства гарнизона только половину построенныхъ въ цитадели сакель, а не всё, мы лишали собственности въ два раза меньшее число лицъ и, слѣдовательно, вдвое облегчали жителей. Но въ исполненіи такого предначертанія были и маленькія неудобства: трудно было поручиться, что сакли будутъ заняты такими личностями; которыхъ взгляды и намѣренія были бы гарнизону хорошо извѣстны; еще труднѣе было сказать, что между гарнизономъ и его близкими сосѣдями, раздѣленными одною улицей, не будутъ происходить частыя ссоры и крупныя недоразумѣнія. Подобныя неудобства, можетъ быть мелкія и отвратимыя въ мирное время, дѣлались довольно важными на время осады. Вообразите, что крѣпость, защищаемая французами отъ нападенія пѣмцевъ, на половину занята пѣмцами. Хорошо ли будетъ французамъ? Всѣ эти неудобства, вѣроятно, были хорошо поняты самаркандцами, потому что отдѣленная часть цитадели не была никѣмъ занята. Отъ намѣренія раздѣлить цитадель на части остался только одинъ слѣдъ—широкая улица или эспланада, какъ ее называли. Во время осады эспланада имѣла нѣкоторыя невыгоды: она

вся была открыта выстрѣламъ съ города, такъ что сообщеніе по ней было небезопасно.

Въ очень скоромъ времени городъ сталъ наполняться. Возлѣ лагера образовался временной базаръ съ самыми необходимыми предметами: лепешками, нельменами, разными овощами, несозрѣвшими еще фруктами, пряниками, орѣхами. Здѣсь закипѣла оживленная дѣятельность, открылась торговля.

Возлѣ корзины съ лепешками стоитъ солдатикъ. — «Эй, тамыръ (1)», говоритъ онъ очень серьезно, будучи убѣжденъ, что его свѣдѣнія въ туземномъ языкѣ совершенно достаточны: — «тамыръ, сколько стоитъ биръ (2) лепешка? шалтай-балтай не надо».

— «Э-э, тамыръ», говоритъ тотъ, не понявъ въ чемъ дѣло.

«Вотъ лепешка», поясняетъ солдатъ, тыкая пальцемъ въ корзину: «биръ лепешка, почему?»

Въ другомъ мѣстѣ, отъ нечего дѣлать, артиллеристъ бесѣдуетъ съ торговцемъ зеленого урюка (абрикоса). — «Урусъ сарбазъ-янши (3), самаркандскій — яманъ (4). Урусъ-сарбазъ вашему сарбазу маглашъ (5) дастъ. А вотъ теперь всѣмъ вамъ аманъ (6) дали».

— «Аманъ, аманъ», говоритъ сартъ, одобрительно кивая головой. — «Ты вотъ теперь купецъ, ну и торгуй: сагу (7) можно».

Все приняло видъ нѣсколько оригинальной лагерной жизни. Только дымящіяся фитили у орудій напоминали отряду его назначеніе.

Однообразно-скучно тянулось время.

Экспедиціи на Чилекъ и Ургутъ значительно разнообразили нашу бивуачную жизнь. Надежды на дальнѣйшія стычки и отличія заставляли охотно переносить многія неудобства. Толковали о движеніи на Бухару. Много предполагали, соображали, спорили. Движеніе къ столицѣ эмира считали дѣломъ положительно необходимымъ. Въ возможности и удобоисполнимости этого предпріятія мало кто сомнѣвался.

Наконецъ двинулись впередъ къ Ката-Кургану, съ цѣлью занять этотъ пунктъ и остановиться въ немъ. Для этой цѣли туда были направлены 13½ ротъ, 3 сотни и 12 орудій, подъ начальствомъ генерала Головачева. Надежды на штурмъ города, который, какъ было извѣстно, занять непріателемъ, оживляли отрядъ. Несмотря на юж-

(1) Пріятель.

(2) Одна.

(3) Хорошо.

(4) Худо.

(5) Потасовка.

(6) Собственно — здравствуй.

(7) Отъ слова продавать.

ный зной и пыль, люди шли бодро и весело. На третій день, утромъ, мы приблизились къ Ката-Кургану. На возвышенности, въ виду ката-курганскихъ садовъ, отрядъ развернулся и выстроился. Артилерія стала въ интервалахъ между пѣхотою.

Предъ нами разстилалась прекрасная картина. Въ небольшой долинь, окоймленной со стороны Бухары возвышеннымъ берегомъ Нарпая, тянулись роскошные сады, которые, по направленію къ Заряшану, занимали все большую и большую полосу. Между деревьями, точно щеголяя своею роскошною одеждою, выдѣлялись густолиственные карагачи, а возлѣ, уходя вершинами въ небо, красовались стройные тополи. Тутъ же, рядомъ съ этими двумя прекрасными растеніями юга, скромно тѣснились фруктовыя деревья, позволяя первымъ еще болѣе выказывать свою красоту и величіе. Кое-гдѣ изъ густой зелени выглядывали городскія сакли и глиняныя стѣнки, устроенныя, по обыкновенію, по обѣимъ сторонамъ улицъ. И сакли, и сады, и тянувшіяся далѣе возвышенности освѣщались яркимъ, утреннимъ солнцемъ, придававшимъ всему чрезвычайно живописный видъ. Но любоваться имъ было не время. У многихъ билось сердце въ ожиданіи выстрѣла со стороны города. Арбачи расположились недалеко отъ войскъ и поглаживали отъ удовольствія бороды въ ожиданіи поживы. Одинъ изъ нихъ, еще дорогой, все допытывался, будутъ ли русскіе штурмовать городъ. При этомъ онъ обыкновенно понижалъ голосъ и дѣлалъ серьезную мину. Каково же было его негодованіе, когда стало извѣстно, что солдаты эмира оставили Ката-Курганъ передъ самымъ нашимъ приходомъ, а жители выслали депутацію? Отрядъ занялъ городъ и расположился по лѣвому берегу Нарпая, возлѣ дороги, ведущей въ Бухару. Эта часть мѣстности есть совершенно голая покатость, обращенная къ рѣкѣ. Впереди, параллельно фронту расположенія войскъ, шель гребень возвышенности; съ него можно было обозрѣть значительное пространство къ сторонѣ непріятеля.

Сначала только по правому, а затѣмъ и по лѣвому берегу Нарпая расположенъ самый городъ. Въ срединѣ построена небольшая крѣпость; ее можетъ оборонять одна рота. Это такъ называемая цитадель. Она вся помѣстилась на природномъ бугрѣ, имѣющемъ сажени четыре высоты надъ окружающими садами. Отлогости бугра совершенно отвѣсны. Къ воротамъ цитадели ведетъ широкая каменная лѣстница. Цитадель служила помѣщеніемъ ката-курганскому беку и его приближеннымъ.

Въ Ката-Курганѣ замѣчательнъ садъ эмира. Лучше этого сада намъ не случалось видѣть ни въ Самаркандѣ, ни въ Ташгентѣ.

Почти квадратное пространство около 50 сажень въ сторонѣ засажено тополями, карагачевыми и фруктовыми деревьями; посрединѣ вырытъ прудъ, наполняющійся водою посредствомъ канавокъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, арыковъ; отъ пруда идутъ аллеи, усаженные по обѣимъ сторонамъ виноградомъ, который, подымаясь по рѣшеткамъ, образуетъ надъ аллеями густой зеленый навѣсъ, съ висящими кистями плода. Тѣнь въ саду полная. Къ сторонѣ цитадели садъ окомленъ строениями. Это бывшія помѣщенія эмира во время его пребыванія въ Ката-Курганѣ: небольшой гаремъ, двѣ небольшихъ приемныхъ комнаты, соединенныя между собою открытою галереєю, и разныя службы со дворомъ за ними. Съ галереи эмиръ могъ обозрѣвать одновременно и садъ, и дворъ. Здѣсь онъ показывался собравшемуся на поклонъ народу и принималъ бековъ.

Садъ былъ занятъ генераломъ Головачевымъ и его штабомъ. Отсюда до лагеря, расположеннаго по другую сторону Нарпал, около версты.

Въ двадцатыхъ числахъ мая на войска, расположенныя у Ката-Кургана, было произведено первое нападеніе непріятеля. Небольшая шайка конныхъ людей напала на отрядныхъ вьючныхъ верблюдовъ и намѣрена была угнать ихъ. Ударили тревогу. Быстро собравшіяся по тревогѣ войска бросились преслѣдовать напавшихъ. Произошла небольшая перестрѣлка и схватка съ казаками. Верблюдовъ отбили. Черезъ часъ въ лагерѣ снова все успокоилось.

Между тѣмъ, 27-го мая, изъ Самарканда была послана часть войскъ въ Кара-тубе. Кишлакъ, занятый шахризьбцами, защищаясь очень упорно. Мы понесли значительный уронъ и, отступая къ Самарканду, могли только сказать, что разбили непріятеля, но не настолько, чтобы онъ не отважился провѣжать насъ на обратномъ пути.

Подобный исходъ дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстія изъ Ката-Кургана о томъ, что нападенія на расположенный тамъ отрядъ повторяются все упорнѣе и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ. Было рѣшено, оставивъ въ Самаркандѣ 6-й баталіонъ и 100 человекъ саперовъ при двухъ батарейныхъ орудіяхъ, всѣ остальные войска двинуть въ Ката-Курганъ, и, соединившись тамъ съ отрядомъ генерала Головачева, слѣдовать по дорогѣ въ Бухару и разбить эмира, который, какъ было извѣстно, со всѣми силами стоялъ на Зырабулакѣ.

31-го мая, командующій войсками выступилъ въ Ката-Курганъ. Оставляемый въ Самаркандѣ гарнизонъ былъ крайне огорченъ тѣмъ, что ему придется сидѣть сложа руки, тогда какъ другіе будутъ

драться. Нѣкоторые, впрочемъ, не унывали. — «Вотъ подождите: какъ уйдутъ къ Ката-Курганъ, на Самаркандъ нападутъ и мы будемъ въ осадѣ», утѣшали себя оставшіеся. Уходившіе только подсмѣивались. Почти никто не вѣрилъ въ возможность осады. Съ небольшими исключеніями, относились къ дѣлу очень легко, и не понимали, что нападеніе на Самаркандъ—необходимое послѣдствіе положенія дѣль и что вопросъ могъ заключаться развѣ только въ томъ, на сколько это нападеніе будетъ опасно. Съ завистью проводили мы уходившихъ, не предполагая, что намъ готовится болѣе блистательная участь.

II.

Появленіе непріятеля. — Расположеніе жителей. — Хаджи-Араарскія Ворота. — Первый натискъ на цитадель.

На другой же день по выступленіи генераль-адъютанта Кауфмана, мы замѣтили на Чипанъ-аты значительное скопленіе непріятеля. При немъ было два орудія, изъ которыхъ онъ, время отъ времени, пострѣливалъ. Такъ какъ разстояніе было весьма значительное, около пяти верстъ по прямому направленію, то мы видѣли только дымъ, а иногда едва слышно доносился звукъ выстрѣла. Эту пальбу непріятель производилъ съ единственною цѣлью: показать гарнизону, что у него есть орудія.

Въ то же время, со стороны дороги въ Кара-тюбе, появились шахризязбцы. Объ этомъ то и дѣло получались новыя свѣдѣнія. На сѣверѣ, по направленію челекской дороги, тоже показалась пыль и вообще замѣчено было оживленное движеніе конныхъ и пѣшихъ людей. Становилось очевидно, что Самаркандъ окружается значительными силами. Какія послѣдствія могли произойти отъ того, можно было отчасти судить по настроенію жителей.

Еще наканунѣ, проѣзжая по городу, легко было замѣтить особенную пустоту на улицахъ. Малыхъ и старыхъ какъ будто и не бывало здѣсь. Если попадались жители—всегда группами, возлѣ мечети—то это были все молодые и крѣпкіе субъекты, способные обращаться съ мушкетеромъ или батикомъ.

При проѣздѣ мимо такого сборища, нельзя было не обратить вниманія, что веденный до того времени оживленный разговоръ прекращался. Суровыя лица и дерзкій взглядъ правовѣрныхъ показывали, что между ними вѣбеть къ русскимъ—если уже не созрѣло—крайнее нерасположеніе, за которымъ послѣдуетъ открытое возстаніе. Изъ такой толпы, при проѣздѣ русскаго, слышались уже крупныя ругательства, произносимыя хотя и не совсѣмъ громко, но довольно

смыло. Нѣкоторая нерѣшительность къ окончательному нападенію происходила, намъ кажется, отъ того, что непріятель какъ будто еще не вполне вѣрилъ въ свои силы и въ наше незавидное положеніе. Фактъ, который бы наглядно доказалъ ему послѣднее обстоятельство, не замедлилъ представиться.

Утромъ, 2-го числа, комендантъ, внимая настоятельнымъ просьбамъ нѣсколькихъ жителей, желавшихъ, чтобы русскіе защитили городъ отъ вторженія шахризязцевъ, съ двумя ротами и двумя орудіями двинулся къ Хаджи-Арарскимъ Воротамъ, гдѣ, по словамъ тѣхъ же сартовъ, непріятель скоплялся въ значительныхъ силахъ. Пройдя по пустымъ улицамъ города и приближаясь къ воротамъ, мы полагали, что одно наше присутствіе заставитъ непріятеля, если дѣйствительно таковой имѣется, отступить. Мы ошиблись. Только что колонна вытянулась изъ Хаджи-Арарскихъ Воротъ, изъ садовъ раздались выстрѣлы, сначала рѣдкіе, потомъ все учащавшіеся. Разсыпали стрѣлковъ. Поставили на горкѣ орудіе и пустили въ сады двѣ гранаты. Перестрѣлка усиливалась. Наше положеніе было очень невыгодное. Мы должны были болѣе или менѣе группироваться на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянулись довольно высокія стѣны, не позволявшія намъ видѣть всего происходившаго въ садахъ. Напротивъ, непріятель, скрываясь въ садахъ, могъ окружить насъ и нанести значительный вредъ. Поэтому мы отступили, заняли ворота, затворили ихъ и рассыпали стрѣлковъ за зубцами стѣны. Видно было, что непріятель усиливается. У насъ, несмотря на наше закрытое положеніе, нѣсколько человекъ выбыло изъ строя. Наконецъ савли и сады впереди воротъ наполнились непріятелемъ. Отдѣльныя личности порывались къ занятымъ нами стѣнамъ. Одинъ смѣльчакъ, недовольствовавшійся саклей, изъ которой онъ первоначально пострѣливалъ изъ своей мушкетки, сталъ пробираться къ воротамъ. Стоявшій за зубцами солдатъ замѣтилъ это и выстрѣлилъ. Раненый сартъ сначала упалъ, но потомъ снова приподнялся и взялся за ружье.—«Урря, братьцы!» кричалъ онъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Распространившись вправо и влево, непріятель могъ отрѣзать насъ отъ цитадели, а потому комендантъ приказалъ отступить въ цитадель. Наше отступленіе послужило сигналомъ къ нападенію. Все, что до того времени держалось въ почтительномъ удаленіи, устремилось на Самаркандъ. Непріятель повялъ свою силу, и съ этой минуты борьба должна была принять серьезный характеръ.

Мы не смѣемъ сказать, чтобы баронъ Штемпель вовсе не долженъ

былъ двигаться изъ цитадели: можетъ быть, причины, побуждавшія его къ тому, были и очень уважительны; но мы позволяемъ себѣ думать, что, прежде чѣмъ выйти изъ цитадели, нужно было рѣшить вопросъ: нельзя-ли рискнуть двинуться на встрѣчу неприятелю въ сады, смѣлымъ ударомъ выбить его оттуда и, если можно, даже преслѣдовать до извѣстной степени? Если бы, по зрѣломъ обсужденіи, вопросъ этотъ рѣшили отрицательно, тогда, намъ кажется, и думать нечего было о движеніи къ Хаджи-Араарскимъ Воротамъ. При обратномъ рѣшеніи того же вопроса, образъ дѣйствій самъ по себѣ ясенъ.

Едва мы успѣли, какъ говорится, убраться, какъ немедленно цитадель была окружена и каша заварилась.

Неприятель, слѣдовавшій непосредственно за отступавшими ротами и распространившійся затѣмъ вправо и влѣво, бросился прямо штурмовать стѣны и ворота. Первый напоръ былъ страшенъ. Самый учащенный огонь, направленный на цитадель; отчаянныя попытки овладѣть кладбищемъ открытою силою, царапаясь на крутость съ помощью такъ называемыхъ кошекъ; дружный натискъ на Самаркандскія и Бухарскія ворота, которыя только-что успѣли затворить; грозные, неумолкаемые крики осаждавшихъ, со стороны которыхъ играли зурны, били барабаны, гремѣла труба—все это составило только начало.... Для каждаго изъ насъ это были самыя тяжелыя минуты.

Едва успѣли мы придти къ Самаркандскимъ Воротамъ, какъ прибѣжалъ унтеръ-офицеръ.

— «Ваше благородіе! ворвались!»

— Гдѣ?

— «Вотъ тутъ, сейчасъ», говорилъ онъ, захлебываясь... «тамъ никого нѣтъ»....

Дѣлаются соотвѣтствующія распоряженія; люди бѣгутъ по указанному направленію, бросаются къ пролому, опрокидываютъ неприятеля въ городъ, лѣзутъ на стѣну, чтобы имѣть возможность отстрѣливаться; многіе изъ нихъ падаютъ назадъ и болѣе уже не поднимаются.... ихъ мѣста занимаютъ другіе.

Вотъ и съ другой стороны слышится русское «ура», раздается выстрѣлъ, другой. Ружейная трескотня все усиливается и усиливается. Снова слышатся крики, на этотъ разъ уже не русскіе; потомъ все сливается въ общій гулъ и гамъ, среди которыхъ ничего и разобратъ нельзя. Все чаще таскаютъ раненыхъ и убитыхъ. Все энергичнѣе насѣдаетъ врагъ.

Часу во второмъ, неприятель, разведя огонь возлѣ самыхъ Самар-

сандскихъ Воротъ, сталъ бросать туда шкижи съ порохомъ. Полотна воротъ, сколоченныя изъ совершенно сухого дерева, и столбы ихъ поддерживавшіе быстро загорѣлись. потушить пожаръ не было возможности, потому что, какъ увидимъ, на это не было средствъ. Не ограничиваясь пожаромъ Самаркандскихъ Воротъ, осаждающій пытался произвести его и внутри цитадели. Съ этою цѣлью онъ бросалъ черезъ стѣну, возлѣ юго-восточнаго угла цитадели, особаго устройства ракеты, которыя, вслѣдствіе неправильности полета, падали шутихи, устраиваемыя изъ обыкновенной бумаги. Ракеты эти, обжегши одного-двухъ человѣкъ, никакого вреда намъ не принесли.

Здѣсь же, только нѣсколько ближе къ Бухарскимъ Воротамъ, осаждающій сталъ дѣятельно обрывать стѣну, въ надеждѣ произвести обвалъ. Его работы слышались намъ явственно. Для препятствованія производству этихъ работъ, къ стѣнѣ, по распоряженію капитана Михневича, была поставлена лѣстница, чтобы съ нея можно было бросать на работы ручныя гранаты. Артиллеристы приноровились къ этому очень быстро. Одинъ изъ нихъ, чуть-ли не самъ Михневичъ, подшутилъ съ непріателемъ очень забавно: стоя на лѣстницѣ и держа въ рукахъ приготовленную гранату, онъ окликнулъ работавшихъ по другую сторону стѣны сартовъ. Стукъ петней затихъ, непріатель прислушивался. — «Вотъ вамъ гостинецъ», крикнулъ шутиха, бросая черезъ стѣну гранату: «кушайте!» Слышались ругательства и черезъ стѣну полетѣло нѣсколько камней. Утошеніе, видно, не понравилось. Предложившій его былъ очень доволенъ. Подобныя шутки повторялись, и почти всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Вообще ручныя гранаты не только здѣсь, но и на другихъ пунктахъ, принесли гарнизону громадную пользу. Ими пользовались во-время и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Не обошлось, конечно, и безъ курьезовъ, какъ увидимъ впоследствии. Но курьезы, забавные сами по себѣ, были не болѣе какъ частности и терялись въ общемъ, которое было далеко не утѣшительно.

Къ вечеру 2-го числа, подполковникъ Назаровъ, со слабыми дѣватаго баталіона и со 100 саперами былъ направленъ къ Бухарскимъ Воротамъ, куда непріатель направлялъ все большія и большія усилія.

III.

Бухарскія Ворота. — Утро 3-го іюня. — Положеніе дѣлъ къ вечеру того-же числа. — Вылазки. — Послѣдующіе дни обороны. — Возвращеніе генераль-адъютанта Кауфмана въ Самаркандъ.

Когда подполковникъ Назаровъ прибылъ къ Бухарскимъ Воротамъ, они представляли поразительную картину. Произведенный здѣсь це-

пріятелемъ пожаръ былъ въ полномъ разгарѣ (*). Уже стемнѣло. Горѣвшія ворота освѣщали небольшую площадку и часть улицы внутри цитадели. На площадкѣ стояло наше орудіе, а нѣсколько далѣе, въ улицѣ, собралась толпа защитниковъ съ серьезными и суровыми ли-

(*) Г-нъ Лыко въ своихъ „Очеркахъ военныхъ дѣйствій 1868 года въ Заряншанской долианѣ“, между прочимъ, говоритъ:

«Подполковникъ Назаровъ, придя къ Бухарскимъ Воротамъ, вмѣсто того, чтобы, подъ прикрытіемъ горящихъ воротъ — *которыя было легко потушить такъ какъ вода была подъ рукою* — привести въ оборонительное состояніе (?), что, при 95 человѣкъ саперовъ, исполнить было нетрудно (?), приказалъ выстрѣломъ разрушить ворота, и тѣмъ открывъ свою команду убійственному огню непріятеля, и сдѣлавъ ворота главнымъ пунктомъ непрерывныхъ, настойчивыхъ его атакъ. Бухарскія Ворота потому и служили главнымъ пунктомъ атаки, что были открыты болѣе, чѣмъ каждый изъ другихъ пунктовъ. Большая половина убитыхъ и раненыхъ была убита и ранена въ Бухарскихъ Воротахъ».

Съ такими положеніями, затрагивающими довольно важные вопросы, мы не можемъ согласиться.

Позволимъ себѣ вопросъ о защитѣ Бухарскихъ Воротъ разбить на два и каждый изъ нихъ поставить такъ:

1) Хорошо-ли было-бы предохранять ворота отъ пожара и постараться, чтобы они во время осады остались въ томъ-же видѣ какъ и до нея? и 2) что должны были сдѣлать саперы, разъ какъ ворота сгорѣли и обрушились?

Расположеніе воротъ, какъ мы видѣли, нисколько не способствовало тому, чтобы препятствовать непріятелю почти безнаказанно приближаться къ нимъ. Слѣдовательно, поднести къ самымъ воротамъ щепокъ и зажечь ихъ было нетрудно: воспрепятствовать тому можно было только вылазкой. Въ первый день, т. е. именно тогда, когда были зажжены ворота, о вылазкѣ и думать было нечего. Для потушенія-же быстро распространяющагося пожара нужны были люди и, кромѣ того, какаѣ-нибудь посуда: ушаты, ведра, вувшины. Но при оборонѣ Самарканда назначить для подноски воды изъ пруда, расположеннаго отъ пожара не ближе ста шаговъ, было некого, потому что обороняющіеся было мало. Да если-бы и нашлись люди, то не нашлось-бы необходимой посуды; безъ нея-же, конечно, гарнизонъ не могъ, если-бы и пожелалъ, залить горѣвшихъ воротъ. Намъ кажется, и хлопотать о томъ не слѣдовало. Если-бы ворота были цѣлы, и притомъ оставались запертыми, то представляли-бы часть мертвой ограды — не болѣе; отверенными-же ластями, они нисколько не открыли бы людей, за ними стоящихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ пользы отъ нихъ было-бы немного. Вся сила воротъ могла заключаться единственно только въ завалѣ, устроенномъ непосредственно за ними и вооруженномъ орудіемъ. Достигнуть-же этого можно было одинаково какъ за цѣлѣвшими, такъ и за разрушенными воротами, потому что стѣна, примыкавшая къ воротамъ, отъ пожара не пострадала.

Въ другомъ извѣст. г. Лыко, дѣлая критическую оцѣнку разныхъ обстоятельствъ обороны, между прочимъ говоритъ:

«Мы не можемъ не выразить искреннаго сожалѣнія о томъ, что 95 человѣкъ саперовъ, направленныхъ комендантомъ въ Бухарскія Ворота, были употреблены не какъ саперы, а какъ пѣхота; вмѣсто топора и лопаты, они дѣйствовали исключительно штыкомъ, и потому, *не прикрывъ воротъ*, потеряли половину своего состава».

Раздѣляя вообще высказанный авторомъ взглядъ о нераціональности употребленія саперовъ при оборонѣ, мы не можемъ согласиться, что саперы, какъ

цами, на которыхъ можно было замѣтить какое-то странное вопросительное выраженіе. Всѣ молчали, ожидая чего-то необычайнаго.

Вызванные охотники-саперы сорвали горящія полотна воротъ и устроили изъ мѣшковъ заваль, за которымъ было поставлено орудіе. Отъ сорванныхъ полотень и рухнушаго затѣмъ потолка впереди завала образовался костеръ, горѣвшій до утра слѣдующаго дня. Непріятель старался поддерживать огонь. Намъ случилось видѣть, какъ десятилѣтній мальчикъ-сартъ, прикрываясь отъ нашихъ выстрѣловъ выступомъ башни, подкидывалъ на костеръ дрова и щепки въ то самое время, когда мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ смѣльчака устраивали заваль.

Въ городѣ, у непріятели, были самое оживленное движеніе и шумъ. Воинственному его крику вторили барабаны, зурны и ужасно ревущая труба, призывавшая правовѣрныхъ на бой. Въ большой каменной мечети, противъ Бухарскихъ Воротъ, предводитель шахризбдевъ, Джура-бій, дѣлалъ праздникъ (тамашу) въ честь успѣшнаго хода осады. До насъ долетали звуки бубна и зурнь, развлекавшихъ сановниковъ Китаба. Непріятель, не сдѣлавъ еще ничего рѣшительнаго, уже торжествовалъ и велъ себя чрезвычайно смѣло. Мимо отверстія воротъ то и дѣло мелькали пѣшіе и даже конные люди; шагахъ во сто отъ цитадели, около пруда, нѣсколько человекъ сартовъ развели костеръ и расположились-было, сваривши пилау, поужинать и отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ. Съ правой башни воротъ можно было видѣть эту группу, освѣщенную пылавшимъ костромъ. Одинъ изъ офицеровъ 9-го баталіона, взобравшись на одну изъ сакель, расположенныхъ непосредственно у самыхъ воротъ, съ 6—7 солдатами сдѣлалъ въ халатниковъ залпъ и разогналъ ихъ.

Наступила темная южная ночь. Точно иллюминированные, городъ и цитадель пылали огнями: шла самая учащенная перестрѣлка, а съ барбетовъ цитадели то и дѣло раздавались пушечные выстрѣлы. Понятно, никто изъ насъ и не думалъ о снѣ. Начинало свѣтать. Непріятель отодвинулся нѣсколько отъ стѣнъ и собирался съ силами. Выстрѣлы съ его стороны рѣдѣли, хотя не прекращались въ продолженіе всей ночи. Часа три-четыре было затишье, послѣ котораго, каждый это чувствовалъ, долженъ наступить ураганъ.

Быть или не быть—вотъ вопросъ, который разрѣшило утро 3-го іюня.

спеціальнаго рода оружія, не прикрыли Бухарскихъ Воротъ и, слѣдовательно, не принесли никакой пользы. Развѣ устроенный заваль не прикрылъ воротъ и не принесъ пользы?

Часовъ съ семи или восьми, перестрѣлка стала разгораться. Непріятель закопошился. По улицамъ города были замѣтны оживленное движеніе и бѣготня. По временамъ, у самыхъ стѣнъ цитадели, въ общемъ шумѣ, можно было различить дѣлаемыя непріателемъ распоряженія и отдаваемыя приказанія. Сарты готовились къ штурму.

Вскорѣ, какъ и наканунѣ, заревѣла шахризязбская труба, заиграли зурны, забили барабаны. Непріятель съ крикомъ урь! (бей) бросился на стѣны цитадели. Его стрѣлки, засѣвшіе въ высокихъ двухъ-этажныхъ сакляхъ, наносили гарнизону громаднѣйшій вредъ. Градъ камней сыпался на защитниковъ съ трехъ сторонъ. Съ трудомъ успѣвали убирать раненыхъ и убитыхъ и замѣнять ихъ мѣста. Въ особенности терпѣли люди, занимавшіе сакли съ правой стороны отъ воротъ. Здѣсь, какъ уже было замѣчено, окна и двери выходили на крыши городскихъ сакель, взобравшись на которыя непріятелю легко уже было попасть въ цитадель. Въ двадцать минутъ одиннадцатаго вышеупомянутыя сакли были имъ заняты; на ворота произведенъ дружный натискъ и мѣшки, заслонявшіе ихъ, разбросаны; часть стѣны дѣвѣ отъ воротъ тоже перешла въ руки осаждавшихъ, которые почти въ упоръ стрѣляли по защитникамъ; артиллеристы наши, по несчастной случайности, зарядили орудіе порохомъ къ дулу — выстрѣла не произошло; люди наши отшатнулись и столпились въ улицѣ, ведущей въ Кожъ-ташъ. Два-три человѣка изъ числа штурмующихъ бросились было къ оставленному орудію и схватились за его колеса. Наступила грозная минута: солдаты наши стояли на мѣстѣ, кричали ура и умирали... Мужество подполковника Назарова и личный примѣръ прапорщика Верещагина поправили дѣло. Послѣдній, съ ружьемъ въ рукахъ, во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, бросился въ сакли, занятыя непріятелемъ, и штыками опрокинулъ его въ городъ; остальные дружно ударили на ворота. Непріятель не выдержалъ натиска: имъ овладѣла паника, и нѣсколько человѣкъ нашихъ, выскочившихъ за ворота, стрѣляли по бѣгущимъ.

Утро 3-го іюня надолго останется въ памяти лицъ, бывшихъ въ этотъ день у Бухарскихъ Воротъ. До сихъ поръ чрезвычайно живо припоминаются намъ нѣкоторые эпизоды, точно все случившееся было очень недавно. Въ особенности трудно забыть Служенку. Въ самомъ началѣ штурма, его у Бухарскихъ Воротъ не было, а пріѣхалъ онъ къ намъ въ ту самую минуту, когда его подчиненные такъ неудачно зарядили орудіе и попятились отъ него. Служенко былъ верхомъ на темно-карей лошади и въ бѣломъ кителѣ. Выраженіе его лица было

какое-то особенное. Мнѣ почему то припелъ въ голову фаталистъ Лермонтова... «Убьютъ Служенку», подумалъ я. Въ бѣломъ чистомъ кителѣ, и притомъ верхомъ, дѣйствительно, трудно было не обратить на себя вниманія непріятеля. Не успѣлъ Служенко выѣхать на площадку, какъ смертельно былъ раненъ въ лѣвый бокъ. Онъ покачнулся въ сѣдлѣ, поблѣднѣлъ, повернулъ лошадь назадъ въ улицу, но не выпустилъ изъ руки поводьевъ. — «Вы ранены»? спросилъ я его, но отвѣта не получилъ. Его сняли съ лошади и отправили въ лазаретъ, гдѣ онъ не дожилъ и до вечера.

Замѣчательна судьба этого офицера. Почти при началѣ службы въ Туркестанскомъ краѣ, онъ попалъ въ плѣнъ въ Бухару, былъ выдержанъ тамъ довольно долго, перенесъ много горя и лишеній, о которыхъ ему говорить даже было тяжело. Служенку, несмотря на его сдержанный и отчасти несообщительный характеръ, всѣ любили и были крайне огорчены его смертію.

Припоминается мнѣ и Назаровъ, присутствіе котораго 3-го числа у Бухарскихъ Воротъ имѣло такое громадное значеніе для обороны: онъ былъ въ желтой шелковой рубашкѣ, съ чехломъ на головѣ вмѣсто фуражки и въ туфляхъ, черезъ плечо кавказская шашка, за поясомъ револьверъ. «Впередъ ребята! За мной!» кричитъ онъ солдатамъ своимъ энергическимъ голосомъ...

А вотъ горнистъ саперной роты: онъ трубитъ наступленіе и отъ натуги покраснѣлъ какъ ракъ; отнявши ото рта рожокъ, онъ говоритъ товарищамъ жалобнымъ, задыхающимся голосомъ: «Что жъ вы, братцы?..» Вотъ еще солдатикъ-новичокъ, бывшій только второй разъ въ дѣлѣ: онъ блѣденъ какъ полотно и, какъ видно, растерялся совершенно: его ротъ полуоткрытъ, губы высохли и поблѣзли; онъ жмется къ товарищамъ и даже не кричитъ.... Кто-то изъ солдатъ читаетъ Богородицу.... Уральскій казакъ жалуется на судьбу.... «Орудіе берутъ, орудіе берутъ, слышно въ заднихъ рядахъ...» — «Кто со мной, ребята, сюда!» говоритъ Верещагинъ; его лицо блѣдно, глаза горять; онъ съ открытой головой, волосы развѣваются вѣтромъ...

Но картина переимѣнилась. Непріятель отступилъ. Мы отдыхаемъ. Кто-то сказалъ, что къ намъ идетъ отрядъ на выручку. Громкое, радостное «ура» раздается между защитниками. Формируется команда, которая должна идти на встрѣчу отряду. Всякому хочется быть въ ея рядахъ. Утомленные лица оживились.... Извѣстіе оказалось невѣрнымъ. Опять картина мѣняется.

Какъ ни тяжело было защитникамъ, стоявшимъ непосредственно у

стѣнъ, но больнымъ и раненымъ, помѣщеннымъ въ Кокъ-Ташѣ, было еще хуже. Каждый новый раненый, отправленный туда, объявлялъ, что все пропало, надежды на удачный исходъ дѣла—никакой. Одинъ прибѣжавшій туда солдатъ 6-го баталіона объявилъ, что Назаровъ и всѣ офицеры у Бухарскимъ Воротъ убиты, орудіе увезено непріателемъ и онъ уже окончательно ворвался. Тамъ, который подняли еврейскія семейства, укрывшіяся съ самаго начала въ цитадели, былъ ужасный. Были и комичные случаи. Такъ, одинъ больной офицеръ, лежавшій во время осады въ Кокъ-Ташѣ, спалъ очень вѣрѣкно возлѣ своего товарища. На послѣдняго влѣзла кошка, которая такъ перепугала больного, что онъ закричалъ на всю саклю. Лежавшій рядомъ проснулся и, предполагая что наступила рѣшительная минута, вскопчилъ, сталъ искать саблю и звать деньщика.— «Фарвались, фарвались!» говорилъ онъ задыхающимся голосомъ. Но когда ему объяснили, что причиною его переполоха была кошка, онъ сталъ успокаиваться.— «А я думалъ, фарвались. Сергѣй, рюмка водка!».... Еще комичнѣе былъ одинъ приказчикъ, случайно находившійся во время осады въ Самаркандѣ. Онъ былъ маленькаго роста, тшедушень и вообще очень непреставителенъ. Съ двустволкой за плечами, этотъ волонтеръ важно расхаживалъ по цитадели, считая себя въ числѣ самыхъ главныхъ и необходимыхъ защитниковъ. Разговаривая съ солдатами, онъ принималъ воинственную осанку, покручивалъ усы, то и дѣло повторяя громко:— «Мы зададимъ трезвону этимъ собакамъ-халатникамъ! Пусть попробуютъ еще разокъ.» Случилось этому воину, 2-го числа, послѣ штурма, остановиться противъ отверстія Бухарскихъ Воротъ. Одна изъ пулъ, то и дѣло летавшихъ въ этомъ направленіи, вѣроятно свиснула у него надъ самымъ ухомъ. Воинъ сначала согнулся и присѣлъ, а потомъ бросился въ сторону.— «Что, братъ, это видно не сигарки продавать?» спросилъ солдатикъ, сидѣвшій по близости.— «Это, братцы, онъ намъ кланялся: простите, молъ, что дорого продаю», сострилъ другой. Всѣ засмѣялись. Скопфуженный волонтеръ съежился и потихоньку убрался.

Около полудня мы замѣтили въ городѣ что-то необычайное. Тамъ происходила какая-то суматоха; отъ бѣготни поднялась страшная пыль, слышались крики. Перестрѣлку съ цитаделью непріатель поддерживалъ весьма слабо. Только къ вечеру узнали мы, что все это означало. Оказалось, что шахризьбцы, еще 2-го числа узнавшіе о пораженіи эмира на Зырабулакѣ, произвели третій, послѣдній отчаянный штурмъ, долженствовавшій рѣшить участь Самарканда. Потерпѣвъ неудачу, они рѣшились отступить. Отчего эмиръ, вопреки прежде приня-

тому намѣренію, не воздержался и принялъ бой 2-го іюня, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, это было сдѣлано ради какихъ нибудь очень уважительныхъ причинъ, а можетъ быть и просто по одному капризу Музафара, во всякомъ случаѣ, невыполненіе первоначальнаго плана сильно раздражило шахризязцевъ, которые, ограбивъ самаркандскій базаръ, ушли въ горы.

Съ уходомъ ихъ, положеніе наше значительно измѣнилось къ лучшему. Непрiятель ослабѣлъ, по крайней мѣрѣ, на-половину, потому что шахризязцы отличались сравнительно исправнымъ вооруженіемъ и воинственнымъ духомъ. Мы же, съ своей стороны, нѣсколько осмотрѣлись и стали привыкать къ своему положенію. Предъидущіе штурмы указали намъ на пункты, требующіе наилучшаго охраненія, и выяснили причину того преимущества, какое осаждающій имѣлъ надъ обороняющимся. Причина заключалась въ томъ, что между стѣной цитадели и городомъ не было никакого промежутка, вслѣдствіе чего непрiятель могъ скрытно подходить къ цитадели, занимать возлѣ нея наиболѣе высокія сакли и, пробивъ въ нихъ бойницы, на 25—30 шагахъ разстоянія бить навѣрняка каждаго солдата, принужденнаго выдаваться изъ-за стѣны или становиться противъ широкой, пробитой на-скоро бойницы, чтобы дѣйствовать по осаждающему. Чтобы уничтожить гибельное значеніе сакель, расположенныхъ вблизи цитадели, а съ другой стороны, чтобы развлечь солдатъ и поселить въ нихъ большую увѣренность въ свои силы, 3-го числа вечеромъ, по инициативѣ подполковника Назарова, изъ Бухарскихъ Воротъ была произведена вылазка, окончившаяся очень удачно.

Такимъ образомъ, по уходѣ шахризязцевъ, характеръ обороны перемѣнился: вмѣсто того, чтобы съ огромными потерями отстаивать каждый пунктъ оборонительной ограды и не смѣть думать о какомъ нибудь предпріятіи внѣ ея, съ вечера, 3-го числа, мы начинаемъ производить вылазки, что уже ясно доказываетъ значительное измѣненіе въ обстановкѣ. Изъ этого видно, что восьмидневную осаду Самарканда можно раздѣлить на два акта: день 2-го и половина 3-го числа — самое тяжелое и серьезное время обороны, имѣвшее громадное нравственное значеніе для гарнизона — первый актъ; послѣдующіе дни, когда пришлось, главнымъ образомъ, думать о томъ, хватить ли нѣтъ воды въ прудахъ и соли въ складахъ — второй.

Къ вылазкамъ мы приготовлялись обыкновенно еще за-свѣтло. Солдаты собирали солому, мелкихъ щепокъ, брали нѣсколько пачекъ спичекъ. Растопку связывали пучками и насаживали на штыки. Когда темнѣло, отодвигали дверь, закрывавшую отверстіе между мѣшками,

противъ котораго стояло орудіе, и, по-одиночкѣ, безъ шума, выходили въ городъ. Въ ночи непріятель убирался дажѣ въ городъ, а потому мы и не встрѣчали сопротивленія. Собравшись за воротами, мы отправлялись по заранѣ выбранной улицѣ, расходились по дворамъ и разводили въ сакляхъ огонь, гдѣ это казалось наиболѣе выгоднымъ. Совершенно сухія части строеній загорались чрезвычайно быстро. Увеличивавшееся пламя освѣщало часть улицы, подвергавшейся уничтоженію. По ней мелькали люди, хлопотавшіе у разводимыхъ костровъ. Вскорѣ пожаръ развивался окончательно. Надъ нимъ становилось зарево. Непріятель обращалъ, наконецъ, вниманіе на вылазку и усмивалъ стрѣльбу въ этомъ направленіи. Пули начинали посвистывать по близости. Сдѣлавъ дѣло, мы возвращались въ цитадель, причемъ, на сколько помнится, потерь не имѣли. Только вылазка 4-го числа не прошла совсѣмъ безнаказанно.

Она была произведена Назаровымъ же изъ Самаркандскихъ Воротъ. Было три часа по-полудни. Непріятель поддерживалъ оживленную перестрѣлку съ нашими людьми, занимавшими ворота. Назаровъ распорядился сдѣлать изъ стоявшаго здѣсь орудія три выстрѣла ядрами по ближайшимъ саклямъ, послѣ чего сформировавъ команду, повелъ, ее въ городъ. На первыхъ же шагахъ мы наткнулись на непріятеля, который, какъ видно, не ожидалъ атаки и сталъ поспѣшно отступать въ глубину города. Преслѣдуя его и тѣсня дажѣ къ базару, мы между тѣмъ зажигали сакли.

Въ этотъ день имѣлось въ виду обогнуть цитадель по направленію къ Бухарскимъ Воротамъ и стараться сжечь сакли тагъ, чтобы образовать непрерывныя развалины впереди стѣны цитадели, между Самаркандскими и Бухарскими воротами, гдѣ непріятель особенно крѣпко держался и откуда наносилъ намъ много вреда. Поставленная цѣль, па этотъ разъ, хотя и не вполне, но была достигнута.

Въ вылазкѣ приняли участіе Верещагинъ и купецъ Трубочаниновъ. Послѣдній совершенно вошелъ въ роль самаго ожесточеннаго воина и то и дѣло кричалъ солдатамъ:—«Бей ихъ ребята, бей! Десять человѣкъ дѣтей, ребята, бей!» У одной изъ мечетей онъ наткнулся на вооруженнаго сарта, не потерялся, приложился и убилъ того наповаль.—«Бей ихъ, собакъ, ребята! десять человѣкъ дѣтей!...» говорилъ съ большимъ убѣжденіемъ почтенный отецъ семейства, снова заряжая ружье.

Съ Верещагинымъ случилось два небольшихъ происшествія, окончившихся, впрочемъ, благополучно. Осматривая одинъ изъ боковыхъ дворовъ, онъ увидѣлъ вооруженнаго батикомъ сарта, на котораго,

конечно, и не замедлил напасть. Но такъ какъ у Верещагина ружье не было заряжено, то и пришлось дѣйствовать штыкомъ. Силы же у него было немного и штыкъ на закутаннаго въ халаты сарта не подѣйствовалъ. Послѣдній, схвативъ рукою за стволъ ружья, готовился уже расправиться съ Верещагинымъ батикомъ и не сдѣлалъ этого только потому, что былъ въ углу и не могъ размахнуться. Подоспѣвшіе солдаты выручили «его степенство», какъ они называли Верещагина. Другой случай съ нимъ также не безынтересенъ. Проходя мимо двухъ-ярусной сакли, Верещагинъ увидѣлъ во второмъ этажѣ человѣкъ пять вооруженныхъ сартовъ, наблюдавшихъ сквозь небольшое отверстіе за движеніемъ русскихъ. Верещагинъ тотчасъ же подскочилъ къ саклѣ и сунулъ въ отверстіе штыкомъ. Сарты ухватили за стволъ ружья и потащили воина вверхъ. Пришлось бы потерять ружье, если бы снова солдаты не подоспѣли на выручку. Желавшіе воспользоваться чужою собственностію были, конечно, перекоты, причѣмъ даже не оказали большого сопротивленія. Вообще среднеазіяты умираютъ какъ-то пассивно. На этой же вылазкѣ намъ случилось быть свидѣтелями замѣчательнаго, въ этомъ отношеніи, факта.

Одинъ солдатъ, вѣроятно не отличавшійся большою смѣлостію, отсталъ отъ другихъ и шелъ на значительномъ разстояніи сзади. Четыре сарта, спрятавшіеся въ одной изъ сакель и незамѣченные впереди идущими людьми, выскочили изъ своей засады и напали на отсталаго. Трое изъ нихъ были вооружены батиками, четвертый, какъ кажется, имѣлъ мультыбу. У солдата ружье оказалось незаряженнымъ. Онъ, какъ видно, не ожидалъ нападенія и совершенно растерялся.— «Братцы, помогите!» крикнулъ онъ впереди идущимъ товарищамъ. Пять человѣкъ, услышавшихъ крикъ, поспѣшили на помощь. Но пока они добѣжали до мѣста сцены, одинъ изъ сартовъ (остальные трое, завидя приближеніе русскихъ, бѣжали) успѣлъ ударить растерявшагося солдата батикомъ по головѣ и собирался повторить ударъ. Раненный однимъ изъ подбѣгавшихъ солдатовъ пулей въ руку, онъ опустилъ батикъ, не тронулся съ мѣста и безъ сопротивленія предался ожидавшей его участи....

Религіозный фанатизмъ доводитъ иногда азіятцевъ до чрезвычайно смѣлыхъ, даже безразсудныхъ выходовъ. Четвертаго же числа, на вылазкѣ, часть людей была оставлена Назаровымъ на перекресткѣ для прикрытія другой половины, двигавшейся дагѣ со стороны базара, такъ какъ на послѣднемъ были всегда большія скопища. Люди, оставленные въ этомъ мѣстѣ, занялись поджиганіемъ сакель и на-

блюденіемъ за улицей, ведущей на базаръ. Неожиданно для всѣхъ, на крышѣ угловой сакли появились три сарта; у каждого въ полѣ были камни, которыми они и начали насъ бомбардировать. Понятно, что камни не могли сравниться съ пулей, и смѣльчаки остались на мѣстѣ.

Вылазка 4-го числа была особенно полезна относительно того нравственнаго значенія, какое она оказала на гарнизонъ. Это было не ночное движеніе въ тихомолку, а смѣлое и удачное наступленіе днемъ, что давало гарнизону право не считать себя совершенно замкнутымъ въ цитадели.

Командантъ, какъ оказалось, не зналъ о движеніи Назарова въ городъ. Онъ очень встревожился этимъ и даже послалъ команду, для обезпеченія вылазкѣ свободнаго отступленія въ цитадель. Мѣра эта, оказалась, впрочемъ, не нужною, такъ какъ непріятель, озадаченный смѣлымъ движеніемъ Назарова, не рѣшился напасть на его людей.

Ночь со 2-го на 3-е, какъ уже было замѣчено, мы не смыкали глазъ, а потому всѣ крайне утомились. Въ послѣдующія затѣмъ ночи, чтобы не изнурять людей, было рѣшено раздѣлить ихъ на смѣны съ тѣмъ, чтобы одна бодрствовала и поддерживала перестрѣлку, а остальные отдыхали. При этомъ, конечно, спать располагались у самыхъ воротъ за мѣнками и по краямъ площадки. Но такъ какъ всякая случайность на чемовѣка только что проснувашагося дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ на бодрствующаго, то полковникъ Назаровъ приказалъ принести свою кровать, распорядился поставить ее у самаго орудія и легъ спать. Такой поступокъ имѣлъ двойное значеніе: во-первыхъ, въ случаѣ тревоги, Назаровъ былъ тамъ, гдѣ его присутствіе считалось совершенно необходимымъ; во вторыхъ, солдаты, видя возлѣ себя «полковника», засыпали совершенно спокойно, въ полной увѣренности, что съ ними ничего особеннаго не произойдетъ. При подобномъ настроеніи, какая бы то ни было ночная тревога не могла солдата ошеломить.—«Смотри, ребята», говорилъ Назаровъ солдатамъ, располагаясь на установленной кровати, «не смѣть шумѣть, я спать хочу; да и этимъ подлецамъ (онъ кивнулъ головой по направленію къ городу) не позволять мѣшать мнѣ отдохнуть».

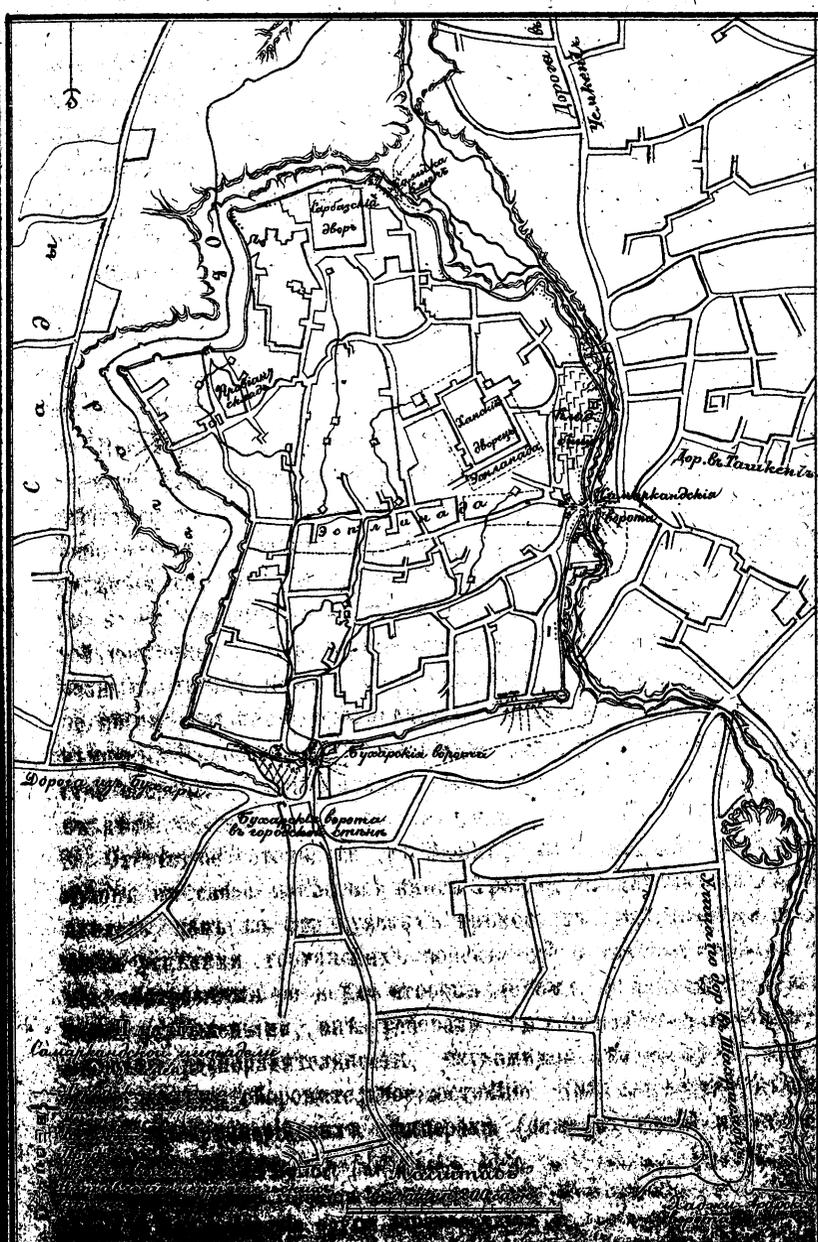
Вообще Назаровъ умѣлъ говорить съ солдатами; они были всегда довольны и часто хохотали отъ души послѣ какой-нибудь его шутки. Своимъ веселымъ хвратеромъ а болѣе, конечно, мужествомъ въ критическія минуты, Назаровъ пріобрѣлъ къ себѣ большое уваженіе не только солдатъ, но и офицеровъ. Съ послѣдними онъ былъ на самой короткой ногѣ, говорилъ многимъ «ты» и не стѣснялся выбра-

нить, если это ему казалось нужнымъ. Купцы и приказчики надѣялись на него какъ на каменную гору. Назаровъ отлично этимъ пользовался. — «Притащи-ка, братъ, ящичекъ сигарокъ: видишь, солдатики курить хотятъ». — Или: — «Вотъ, братцы», обращается онъ къ солдатамъ, въ присутствіи, конечно, того-же купца: «васъ хотятъ передъ обѣдомъ угостить водочкой». — Понятно, что и сигары, и водка тотчасъ являлись на сцену.

Несмотря на уходъ шахривязцевъ, непріятель продолжалъ осаждать городъ съ большой энергіей. Попытки ворваться въ цитадель повторялись нѣсколько разъ на день. Последняя изъ нихъ, произведенная 7-го іюня, наканунѣ возвращенія командующаго войсками въ Самаркандъ, была самая отчаянная. Собравшись за саклями противъ Бухарскихъ Воротъ, непріятель сталъ читать молитвы, которыя были слышны намъ отъ слова до слова. Окончивъ ихъ, онъ бросился на ворота. Выстрѣлъ картечью и ручныя гранаты остановили нападавшихъ. Стрѣлки его залегли вдоль арыка въ пятнадцати шагахъ отъ нашего завала съ орудіемъ и стрѣляли по воротамъ; остальные тѣснились за лѣвой башней, пока окончательно ихъ не разогнали гранатами. Заправлялъ этимъ дѣломъ фейерверкеръ. Одинъ изъ саперныхъ солдатъ, Ивановъ помнится, предложилъ свою помощь артиллеристу. — «Дай, говорить, я брошу». — «Изволь, бросай», отвѣчалъ ему артиллеристъ, «только ты смотри.... — Чего смотрѣть? пусть сарты смотреть, а я брошу», сострѣлъ Ивановъ и взялъ гранату въ руки. Фейерверкеръ зажегъ трубку. Все было пока въ порядкѣ. Ивановъ размахнулся, чтобы перебросить гранату черезъ стѣну, но, неожиданно для всѣхъ присутствующихъ, растерялся и уронилъ ее на полъ въ кругу чловѣкъ десяти товарищей. Едва успѣли выскочить вонъ изъ башни, а то было бы плохо.

Страшную, потрясающую картину представляла самаркандская цитадель возвратившемуся изъ Ката-Кургана отряду. Дымящіяся груды рухнувшихъ сакель, которыя мы поджигали на вылазкахъ; обгорѣлые, обезображенные трупы, разбросанные между развалинами и издававшіе нестерпимый смрадь, заражавшій воздухъ; исхудалыя и закоптѣлыя лица защитниковъ, державшихся на ногахъ только вслѣдствіе нравственнаго напряженія—вотъ что представилось отряду 8-го іюня. Свѣжіе слѣды борьбы были краснорѣчивымъ доказательствомъ ея упорства. Гарнизонъ былъ счастливъ, сознавая, что возложенный на него долгъ исполненъ честно.

Е. Воронецъ

Положеніе русскихъ въ концъ Мая Мѣа.

